

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ В «УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ» УНИВЕРСИТЕТОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

В послевоенные годы значительно оживилась научно-исследовательская работа наших высших учебных заведений. Многие научные работники, которые в годы Великой отечественной войны были в силу различных обстоятельств оторваны от непосредственной научной работы и не могли завершить своих начатых работ, использовали возвращение к мирному созидательному труду для окончательной отделки и публикации своих исследований.

Ряд таких исследований публикуется в печатных органах наших вузов, в первую очередь в «Ученых записках» и «Трудах» университетов и институтов.

В связи с этим отраздно отметить возобновление печатанием ряда прерванных войной «Ученых записок» (ЛГУ, МГУ, Саратовский, Томский и другие университеты, МГПИ им. Ленина, Ярославский и другие пединституты) и появление «Ученых записок» тех институтов, которые не выпускали их в довоенное время.

Вестник Ленинградского университета, 1947, № 4.

Проф. С. И. К о в а л е в, Две проблемы римской истории, стр. 86—99. В своей статье проф. С. И. Ковалев анализирует два узловых вопроса истории Рима: 1) о происхождении патрициев и плебеев, и 2) кризис римской республики в I в. до н. э.

Автор кратко излагает развитие взглядов крупнейших буржуазных историков на вопрос о происхождении патрициев и плебеев и делит их на три группы: н и б у р и а н ц е в, считающих патрициев (и связанных с ними клиентов) коренным римским населением, а плебеев—пришлым элементом, иностранцами; а н т и н и б у р и а н ц е в, доказывающих, что «патриции с самого возникновения римской общины были знатью, а плебеи представляли народную массу» (стр. 88); и, наконец, сторонников теории этнической двойственности (Селль, Крюков, Марр), предполагававших, что патриции и плебеи происходили от различных этнических групп. Проф. С. И. Ковалев считает возможным объединить все три точки зрения и объяснить противоположные высказывания источников по вопросу о патрициях и плебеев тем, что наиболее древние данные характеризуют состояние римской общины VII—VI вв.;—они то и послужили базой для нибурианской концепции; вторая, более поздняя группа источников характеризует, по мнению автора, социальное положение Рима более позднего времени (антинибурианцы). Наконец, думает автор, «права в известной мере и теория этнической двойственности» (стр. 91). Здесь автор особенно подчеркивает роль «протоэтрусков».

Вторая проблема, рассматриваемая автором,—это вопрос исторической оценки гражданских войн конца республики. Автор полагает, что неправильным будет считать этот период первым этапом революции рабов, так как в то время отсутствуют основные признаки «настоящей революции». В ту пору не произошло смены способа производства, рабы не являлись классом-гегемоном, политическая власть нигде не перешла на длительное время в руки рабов. Кроме того, в I в. до н. э. не возникли еще предпосылки для перехода рабовладельческой формации в феодальную. В силу всего

этого автор считает неправильным применять к гражданским войнам конца республики определение «революция рабов» и полагает, что под «революцией рабов» надлежит понимать только кризис III в. и события последующих двух столетий.

Статья проф. С. И. Ковалева, посвященная двум узловым проблемам тысячелетней истории Рима, не может претендовать на подробное освещение вопроса и исчерпывающее доказательство точки зрения автора. Автор стремился только изложить в стиле тезисов свою точку зрения на некоторые основные вопросы римской истории. Не вдаваясь в оценку взглядов С. И. Ковалева по существу изложенных проблем, следует все же заметить, что предлагаемое автором решение проблемы происхождения патрициев и плебеев грешит эклектизмом, и объединение в рамках единой концепции диаметрально противоположных точек зрения вряд ли приближает нас к решению вопроса. К тому же стремление автора объединить все три концепции вынуждает его ставить фактически знак равенства между взглядами нибурианцев и сторонников теории этнической двойственности.

Соображения, выдвигаемые проф. С. И. Ковалевым против определения гражданских войн конца республики, как первой фазы революции рабов, во многом обоснованы и часто звучат весьма убедительно. К сожалению, заключительная часть статьи, где автор рассматривает революционные события III—V вв. н. э., не отличается той простотой и ясностью, которая характеризует анализ кризиса римской республики. В частности большие сомнения вызывает общая оценка особенностей революции рабов, данная проф. С. И. Ковалевым.

Ученые записки Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского, т. XVII, вып. исторический,
Саратов, 1947, 281 стр., тираж 2000 экз.

В данном, довольно объемистом сборнике вопросам древней истории и археологии посвящены три статьи: И. В. С и н и ц ы н а, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья (стр. 3—134); е г о ж е, Древние памятники в бассейне Иргиза по раскопкам 1928—1939 гг. (стр. 135—156) и Э. К. П у т н ы н я, Политика императоров династии Юлиев-Клавдиев в области землевладения (стр. 247—270).

В «Археологических раскопках...» дана публикация материалов, найденных во время раскопок 1928—29, а также 1939 гг. на территории Саратовской и Сталинградской областей в Заволжье. Исследованные памятники хронологически делятся на две группы: памятники бронзовой эпохи и скифо-сарматского времени. Особое значение приобретают добытые раскопками материалы сарматской культуры, послужившей основой, на базе которой развивались многочисленные последующие культуры народов Нижнего Поволжья. В данную публикацию включены материалы сарматских курганных погребений из раскопок 1928 года. Данные раскопок 1929 и 1939 гг. публикуются почти полностью. Исследование богато иллюстрировано 80 отдельными рисунками и планами. Кроме того к статье приложено 9 таблиц (образцы местной керамики и прочие предметы бытового обихода).

Вторая статья И. В. Синицына является предварительным сообщением об итогах последних раскопок предвоенного периода в бассейне Большого и Малого Иргизов. В отличие от обычных археологических исследований, которые сводились в районе Нижнего Поволжья «к накоплению вещей из курганных погребений или могильников» (стр. 135), инициаторы раскопок 1938—39 гг. ставили своей целью обследование целых поселений бронзовой эпохи и последующего времени. В процессе работ были раскопаны 2 большие землянки в районе села Максютово и 3 аналогичные землянки в районе гор. Пугачева. Было обнаружено значительное количество керамики и остеологических материалов (в основном крупного рогатого скота). Кроме того экспедицией было раскопано несколько курганов в тех же районах. Как показали исследования, поселения имели незначительные размеры, в среднем 80×80 м, и насчитывали от 3 до 6 жилых сооружений с населением от 50 до 70 человек. «Население таких небольших

поселков составляло в целом ту патриархально-семейную общину, или большую патриархальную семью, которая сложилась здесь в ее ярко выраженных формах» (стр. 153).

В статье Э. К. П у т н ы н я делается попытка дать анализ состояния крупного землевладения и аграрной политики первых римских императоров до Нерона включительно. Автор доказывает ошибочность утверждения немецкого ученого Дессау о том, что процесс концентрации земельной собственности прекратился в начале империи, и показывает, что в I в. н. э. имеет место дальнейший рост крупного землевладения, как сенаторского так и императорского. Постоянные конфискации имущества отдельных представителей сенаторского сословия императорской властью следует расценивать не как показатель борьбы императоров с сенаторским землевладением, а только как перераспределение земельных угодий в руках одного и того же класса крупных землевладельцев. В связи с этим автор резко полемизирует с точкой зрения И. М. Гревса, усматривающего в империи «представительницу угнетенных классов» и защитницу «прав провинциалов против исключительного преобладания старых коренных граждан».

В статье используются в основном литературные памятники, характеризующие царствования Тиберия и Нерона. Автор обращает свое внимание почти исключительно на Италию, причем занимается только вопросом о концентрации земельной собственности. Э. К. Путныня убедительно доказывает на конкретных исторических фактах правильность своего основного тезиса об отсутствии противоречий между императорской властью и сенаторским сословием. Но все-таки, как нам кажется, автору необходимо было отметить, что политика императоров в отношении провинциальных рабовладельцев значительно отличалась от политики республики. Революционный кризис который поставил на место республики империю, вынудил ведущие круги римских рабовладельцев не только перестроить государственный аппарат для лучшей эксплуатации провинций, но и постепенно расширять социальную базу императорской власти путем постепенного включения в состав господствующего класса крупнейших провинциальных рабовладельцев.

Картина процессов, происходивших в землевладении империи в I в. н. э., была бы значительно более полной, если бы автор не ограничился только литературными памятниками, относящимися к Италии, но привлек бы эпиграфические данные, а также и материалы о земельных отношениях в провинциях. К сожалению, вне поля зрения Э. К. Путныня остались важные процессы, происходившие внутри крупного землевладения—намечающийся уже в это время переход от интенсивного к экстенсивному землепользованию, начало колонатных отношений.

Среди мелких недочетов необходимо отметить прежде всего очень большое количество опечаток, особенно в иностранных текстах. Кроме того, весьма сомнительно, так ли уж «близко к истине» сообщение Петрония о богатстве Трималхциона, как это кажется автору (стр. 250), тем более, что на следующей странице сам он выражает сомнение в достоверности именно этого сообщения римского сатирика.

Ученые записки Львовского государственного университета им. Ив. Франко, Историческая серия, т. 1, вып. 2

И. И. В е й ц к о в с к и й, К истории восстания рабов в 198 г. до н. э. в Лациуме, стр. 142—176 (на украинском языке). Статья И. И. Вейцковского представляет собой довольно значительное по размерам исследование, посвященное мало освещенному в источниках и почти совершенно забытому в историографии важному событию из истории Рима—восстанию рабов в 198 г. до н. э. Автор анализирует краткие сообщения Ливия (XXXII, 26) и Зонары (IX, 16, 8—13) об этом движении и ставит его в связь с внутренним и международным положением Римской республики непосредственно после II Пунической войны.

Статья состоит из трех различных по размерам и достоинству частей. Первая часть (13 страниц) является общим источниковедческим обзором (пожалуй, даже

чересчур обстоятельным, учитывая узкую тему исследования) труда Ливия и его источников. Автор приходит к выводу, что сведения Зонары в данном случае заслуживают большего доверия, чем изложение Ливия.

Второй раздел статьи (14 страниц) излагает ход событий и дает общую оценку движения. Эта часть статьи наиболее интересна и во многих местах дополняет наши сведения об одном из первых восстаний рабов на территории Италии. Автор подчеркивает значительность территории, охваченной движением рабов, и относительно большой размах восстания, а также его классовый характер, причем отмечает, что в движении принимали участие только рабы, а свободное население относилось к нему враждебно. Вопреки свидетельствам и Ливия и Зонары, единственных наших источников по данному вопросу, автор категорически (как нам кажется, без достаточных оснований) отвергает возможность не только руководства, но и участия карфагенских заложников в движении 198 г.

В конце статьи дан на 7 страницах обзор взаимоотношений Рима и Карфагена в первом десятилетии II в. Эта часть статьи, почти не связанная с предыдущим изложением, да и с самой темой исследования, не дает ничего нового ни для выяснения вопроса о движении 198 г., ни для истории взаимоотношений между Карфагеном и Римом. От сокращения этой части статья И. И. Вейцковского только бы выиграла.

Необходимо отметить, что вся работа перегружена излишними многократными повторениями. Автор трижды повторяет, что восстание было подавлено не Корнелием Ленгулом, а Л. Корнелием Метулой. Около десятка раз повторяется далеко не новая мысль о том, что Ливий пользовался данными Валерия Анциата и т. д.

Автор дает совершенно произвольную оценку социальной группировки рабовладельцев, руководившей политикой Рима в начале II в. до н. э., заявляя, что «в дальнейшем, особенно же в 80 годах II в. до н. э., финансисты и ростовщики имели решающее влияние на ход политической жизни Рима», причем выразителем интересов этих кругов он считает Марка Порция Катона (стр. 163). Эта и аналогичные формулировки неоднократно повторяются в дальнейшем. Нам думается, что в этом выражается не столько самостоятельное мнение автора, сколько влияние буржуазных ученых модернизаторов, авторитету которых автор чрезмерно доверяет. Так, например, автор ссылается сразу на целый том, даже без указания страниц, французского ученого Гвелла только для того, чтобы доказать не нуждающееся вообще в доказательстве положение, что в сельском хозяйстве Карфагена было занято немало рабов (стр. 164, прим. 67). Н. И. Вейцковский цитирует полностью даже изречение немецкого националиста Эгельгафа о «настоящей фабрике лжи, очернявшей все карфагенское», хотя Эгельгаф снабжает свои слова комментарием, направленным на оправдание политики современного германского империализма.

Надо отметить, что, несмотря на указанные нами недочеты, статья И. И. Вейцковского мы расцениваем как положительное явление в советской историографии античности. Уже сам факт выбора в качестве темы для исследования одного из эпизодов движения рабов заслуживает всяческого одобрения. Автор собрал все данные об этом движении, глубоко их проанализировал и пришел к самостоятельным выводам, исправляя ряд ошибочных положений даже таких столпов буржуазной науки, как энциклопедия Паули-Виссова (стр. 165—6). Наша критика недочетов конструкции статьи и отдельных положений автора никоим образом не умаляет достоинств труда И. И. Вейцковского в целом.

Ученые записки Томского государственного университета
им. В. В. Куйбышева, вып. 4, 1946, 97 стр., тираж 1000 экз.

К. Э. Г р и н е в и ч, Солон, ч. 1 (до 594 г. до н. э.) стр. 54—74. Рецензируемая статья представляет собой лишь первую часть, примерно $\frac{1}{3}$ всей работы, она дает анализ социально-политической обстановки в Аттике и охватывает биографию Солона вплоть до избрания его айсимнетом. Во второй части автор обещает нам дать обзор самих реформ Солона, а в третьей—рассказать о деятельности Писистрата.

Автор отмечает в подзаголовке, что его труд является «исследовательским этюдом из истории Афин VI в. до н. э.». Это не совсем точно. Статья написана далеко не в обычном для принятого в «Ученых записках» стиле. Это, повидимому, переработанная стенограмма нескольких университетских лекций, рассчитанная в основном на преподавателей средних школ и студентов. Исследовательского элемента в работе К. Э. Гриневича немного. Все произведение написано хорошим, ярким языком, не лишенным элементов пафоса: «Солон... это имя должно быть знакомо каждому человеку еще со школьной скамьи!» «Так как нашей главной задачей является показать во весь рост деятельность Солона и его личность,— мы решили это сделать так, чтобы читатель почувствовал аромат эпохи». Действительно, надо в этом отношении отдать должное К. Э. Гриневичу, он вполне достиг цели. Благодаря введению в статью многочисленных, пожалуй, иногда даже чересчур длинных цитат и полных текстов соловых элегий, «аромат эпохи» ярко ощущается на протяжении всей статьи.

Иногда увлечение формой изложения заводит автора даже дальше, чем он желает. Так, у него еще в досолоновской Аттике появляются вдруг «капиталисты» (стр. 63); процесс классового расслоения явно преувеличен, государство в Аттике существует задолго до Солона(!). «Солону предстояло... прекратить(!) классовую борьбу» (стр. 74) и т. д. Определенно чувствуется, что автор не вполне избавился от фразеологии немедких модернизаторов типа Пельмана, которого, кстати говоря, К. Э. Гриневич часто цитирует без слова критики.

Через всю работу К. Э. Гриневича красной нитью проходит мысль о революционности Солона. Он подчеркивает, что «Солон не был человеком компромиссов, был своего рода революционером, каким после него в истории Аттики не был почти никто» (стр. 71), причем ссылается здесь на авторитет Энгельса. Энгельс, насколько нам известно, нигде не называл Солона революционером и только указывал, что Солон открыл ряд политических революций со вторжением в отношения собственности. От этой формулировки Энгельса еще очень далеко до утверждения автора о революционности самого Солона. К тому же под давлением фактов сам К. Э. Гриневич вынужден в последующем признать, что Солон «не пошел до конца с крайними демократами, которые добивались... коренного передела земли и даже отмены долгов» (стр. 74). Мысль о расхождении Солона с демосом вполне правильная, несмотря на то, что солонова сисахфия означала именно не что иное, как отмену долгов. Однако остается несомненным фактом, что Солон во всей своей деятельности стремился предотвратить революционный взрыв недовольства широких масс Аттики и сохранить сколько возможно из привилегий эпатридской знати. Странно все же, как советский ученый может объяснять эту примиренческую, компромиссную политику Солона тем, что «так или иначе он не сделал этого: может быть, потому, что был слишком честен и мудр». Какими же словами в таком случае определить позицию настоящих революционных вождей аттического демоса?

К статье приложена подробная, почти исчерпывающая русская и иностранная библиография о Солоне. К сожалению, «этюд» К. Э. Гриневича не лишен досадных ошибок и опечаток. Так, например, Белох относит Килонову смуту несомненно не к 480—71 гг., а к 580—70 гг. (стр. 64).

Ученые записки Томского государственного пединститута, том III, 1946

Доц. А. В. Маркуев, Фрагмент китайского бронзового зеркала в Археологическом музее Томского университета, стр. 145—152. Этот небольшой этюд посвящен описанию и анализу китайского бронзового зеркала, найденного в конце прошлого века на территории бывшего Минусинского уезда. Автор датирует объект своего исследования VIII—XII вв. н. э. и считает наличие нескольких аналогичных китайских зеркал в районе Минусинска доказательством оживленных сношений хакассов с Китаем.

Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, том XXXV, ист. фак., выпуск III, М., 1946, 240 стр., тираж 700 экз.

Д. И. Нудельман, Древнегреческое поселение на Северном Причерноморье, стр. 21—42. Под этим немного интригующим и не совсем точным заглавием автор печатает свое исследование об истории острова Березани (в 12 км юго-западнее Очакова) в древности. Работа состоит из трех глав, в которых последовательно рассматриваются: история археологических раскопок острова, сообщения древних авторов о Березани и судьбы древнейшего поселения на острове. Исходя из того, что ведшиеся в конце XIX и начале XX в. раскопки Левитского, Скадовского и, прежде всего, Штерна дали большое количество исключительно чернолаковой и чернофигурной керамики, датируемой VII—V вв. до н. э., а березанский некрополь, насчитывающий 800 могил, тоже следует датировать тем же периодом, автор подчеркивает значение Березани, как первого греческого поселения в Северном Причерноморье. В результате анализа свидетельств античных писателей об островах северозападного Причерноморья Д. И. Нудельман приходит к выводу, что Геродот, говоря о знаменитом «Торжище Борисфенитов», имеет в виду именно Березань. Одновременно автор считает вполне возможным, что столь часто упоминаемый у Диона Хрисостома, Дионисия Периегета и Птолемея Ахиллов остров и Левка локализируются именно на Березани, а не в устье Дуная, как это предпологали академики В. В. Латышев и И. И. Толстой.

Наиболее ценной частью исследования является III глава, где дано систематическое изложение итогов раскопок Березани, из которого явствует, что остров был населен не только во время раннегреческой колонизации в VII—V вв. до н. э., но и в императорскую эпоху.

Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина, т. XXXII, кафедры классической филологии и всеобщей литературы, вып. VI, М., 1946, 87 стр., тираж 700 экз.

Данный выпуск подвергся в печати справедливой критике (См. «Новый мир», 1947, № 10, стр. 272 слл.). Особенно резкую отрицательную оценку получили статьи проф. Нушинова и доц. Ивашевой по вопросам новой литературы, а также ниже рецензируемая статья проф. Дератани.

В данном выпуске помещены две работы по древней истории: проф. Н. Ф. Дератани, Борьба за свободу, патриотизм и героика в поэме Лукана «О гражданской войне» (стр. 5—16), и доц. Н. А. Тимофеевой, Патриотические мотивы в творчестве Эврипида (стр. 16—32).

В первом исследовании Н. Ф. Дератани останавливается прежде всего на вопросе о цели поэмы Лукана. Вопреки мнению большинства западноевропейских ученых, в частности Буассье, считающих, что Лукан в первых трех книгах своей поэмы показывает себя только противником Цезаря, но не высказывает сожаления о гибели республики, и что поэт только после разрыва с Нероном сделался республиканцем, автор приходит к выводу, что «та и другая часть поэмы имеют одну и ту же политическую тенденцию... и что республиканцем показывает себя Лукан уже в первой части» (стр. 13). Н. Ф. Дератани видит разницу между первой и второй частью лишь в том, что Лукан «чрезвычайно сдержанно и дипломатически-осторожно» проявляет свои идеи в первых трех книгах, в то время как в последующих частях произведения он «прокламирует свои идеи с нарастающей смелостью и радикализмом». Выводы автора вызывают сомнения, так как его аргументация малоубедительна. Кроме того, прямое сопоставление патриотических выступлений древних с героическими подвигами советских людей привело автора к ряду вульгаризмов.

Доц. Н. А. Тимофеева в своей работе анализирует «Патриотические мотивы в творчестве Эврипида» на примерах основных трагедий этого классика. Автор совершенно правильно отмечает, что во всех произведениях Эврипида наряду с восхвалением и превозношением демократических порядков Афинского полиса очень сильно

выступают и чисто патриотические мотивы, в частности мотив самопожертвования ради блага родины. Эту мысль Н. А. Тимофеева иллюстрирует рядом примеров из «Медей», «Гераклидов», «Просительниц», «Финикиянок» и, особенно, «Ифигении в Авлиде». Интересна характеристика политических тенденций отдельных трагедий Эврипида в связи с военно-политическим положением Афин на различных этапах Пелопоннесской войны.

На фоне обстоятельного анализа произведений великого греческого классика вызывает чувство неудовлетворенности небрежная и не совсем правильная оценка характера Пелопоннесской войны. Правильно характеризуя эту войну как несправедливую с обеих сторон, автор, стоящий на проафинской точке зрения, все же считает эту войну прогрессивной со стороны афинян, «так как они вносили в покоренные области принципы демократии» (стр. 17). Прогрессивность афинской позиции автор видит и в том, что в случае победы «Афины предвосхитили бы ту роль, которая потом была выполнена Римом» (там же). Таким образом, не говоря уже о вызывающей большие сомнения оценке Пелопоннесской войны, автор повидимому считает, что Рим воплотил в жизнь те идеалы «демократии», за которые боролись Афины в 431—404 г. до н. э. Эти в корне неправильные общеисторические суждения автора в начале статьи в значительной степени портят приятное впечатление от всего труда Н. А. Тимофеевой.

Ученые записки Ярославского государственного педагогического института, вып. VII, история, Ярославль, 1945, тираж 250 экз.

В VII выпуске уделено немало места вопросам древней истории. В нем напечатаны (с постатейной нумерацией страниц) статья Н. Н. П и к у с а, Номовый эконома в эллинистическом Египте (стр. 1—11) и исследование А. С. Б а ш к и р о в а, Антисейсмизм древней архитектуры. Египет (одна из глав докторской диссертации (стр. 1—25), и, кроме того, полностью даны тезисы докторской диссертации А. С. Башкирова (стр. 1—17).

В работе Н. Н. П и к у с а исследуются функции номового эконома в эллинистическом Египте в III и II вв. до н. э. Как известно, должность номового эконома играла очень большую роль в общей системе финансовой администрации Птолемеев. Ему подчинялся весь сложный финансовый аппарат в номе, эконома топархий и сел. Функции и полномочия номового эконома отличались, как это подчеркивает автор, замечательным многообразием, охватывая все области экономической жизни нома от сдачи в откуп отдельных налогов и сборов вплоть до контроля над весьма многочисленными царскими монополиями. В круг обязанностей номового эконома входил также «надзор за хозяйствованием царских земледельцев и за общим состоянием сельского хозяйства в номе» (стр. 5). Выбор темы исследования весьма удачен, и работа должна заполнить весьма существенный пробел в русской историографии древнего Египта.

Что особенно ценно,—это то, что автор обращает немало внимания на эволюцию функций номового эконома и на изменение круга его обязанностей на грани III и II вв. «Находясь при Филадельфе на третьем месте в ряду номовой администрации, а при Эвергете I—на втором после управления стратега, достигнув в конце III в. до н. э. своей кульминационной точки, эта должность в своем развитии имела тенденцию слиться с должностью начальника нома—стратега» (стр. 10), что тайло в себе причины упадка должности эконома во II в. до н. э., когда вместо эконома, главы финансового управления нома, появились два чиновника, подчиненных ἐπι τῶν πρῶτον οὐδῶν, не возглавлявших отдельного ведомства. Н. Н. Пикус ставит это в связь с общей тенденцией развития государства Птолемеев, с тем, что «финансовая администрация постепенно вбирала в себя общегосударственную» (стр. 9).

Необходимо все же отметить некоторые, весьма существенные недочеты в рецензируемом исследовании. Автор в значительной степени идет на поводу буржуазных

ученых. Занимающая большую часть работы Н. Н. Пикуса критика устаревшей работы Штейнера о птолемеевском фиске (изд. 1913 г.),—кстати единственная, критикуемая работа,—ведется исключительно с точки зрения Ростовцева, выводы которого автор зачастую цитирует даже и тогда, когда необходимо было обратиться непосредственно к источникам. Так, например, очень существенный для марксистского исследователя вопрос о злоупотреблениях местной финансовой администрации и о жалобах на нее населения—хотя и принадлежащий к компетенции номового эконома,—автором самостоятельно вовсе не разбирается и указывается только ссылка на мнение Ростовцева. Это же касается важнейшей натуральной повинности населения—ирригационных работ (прим. 12 и 13).

Кроме того автором не учтены, хоть и немногочисленные, но все же существующие исследования п высказывания русских ученых по вопросам экономики птолемеевского Египта, в частности работы М. Хвостова, где, хоть мимоходом, но все же идет речь о номовых экономах (Текстильная промышленность в греко-римском Египте, стр. 61, 64, 68 и др., а также его рецензия на «Tebtunis papyri» в ЖМНП, № 355 (1904), стр. 192). И, наконец, еще одно замечание. Громадное количество корректорских ошибок и в иностранном и в русском тексте таково, что зачастую делает невозможным пользоваться научным аппаратом.

В заключение еще один весьма серьезный и важный упрек автору. В данном исследовании один раз дана цитата из классиков марксизма, да и то неточно. Вместо «финансы (грабеж внутри страны)» должно быть «финансовое (ограбление собственного населения)». Автор, повидимому, взял цитату не из XXI тома сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, на который он ссылается, но из сборника писем К. Маркса и Ф. Энгельса, изданного значительно раньше. Однако в этом случае так и следовало указать в примечании.

В рецензируемом выпуске ученых записок Ярославского ГПИ помещен очерк из докторской диссертации А. С. Башкирова «Антисейсмизм древней архитектуры». В этом очерке, посвященном Египту, а равно, как и в приложенных к нему тезисах диссертации, автор рассматривает монументальные оборонные и жилые конструкции древнего мира с точки зрения их антисейсмизма. Очерк иллюстрирован снимками и планами наиболее характерных конструкций. Монография А. С. Башкирова является несомненно оригинальным исследованием. Автор приложил немало труда, чтобы выявить в постройках древности интересующие его моменты. Правда, представляется довольно сомнительным, действительно ли все приписываемые автором, скажем, древним египетским зодчим антисейсмические соображения лежали в основе их практической деятельности. Несомненно преувеличено также утверждение автора о «сугубо практическом значении, тесно связанном с интересами хозяйственного и оборонного строительства СССР, которое представляет для архитектуры наших дней изучение антисейсмизма древней архитектуры» (Тезисы, стр. 2). Но эти преувеличения вполне понятны и простительны в устах выступающего pro domo sua автора.

Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР.

Материалы юбилейной сессии ученого совета, 1931—1946, Петро-
заводск, 1947. 110 стр., тираж 1000 экз.

А. Я. Брюсов. Краткий обзор археологических работ Карело-Финской ССР, стр. 37—50. В своем докладе автор после краткого обзора истории археологического изучения Карелии в дореволюционное время подробно анализирует итоги изучения древностей КФССР за последние десятилетия перед Великой отечественной войной и отмечает исключительно плодотворную работу А. М. Линевского и В. И. Равдоникаса над петроглифами Карелии, несмотря на различную оценку этих памятников, данную указанными исследователями. Произведенные В. И. Равдоникасом раскопки Оленеостровского могильника дали, как отмечает А. Я. Брюсов, исключительные по богатству памятников неолита материалы, которые позволяют «не только в подроб-

ностях представить себе облик и быт древнего населения Карелии, но и в значительной степени его верования, а также дают возможность установить антропологический тип населявших Карелию в это время племен» (стр. 40). Автор обстоятельно полемизирует с теорией так называемого «арктического палеолита» и в частности резко возражает против предположений скандинавских археологов, считающих, что заселение Севера шло в то время с запада вдоль свободного от ледника Норвежского побережья. А. Я. Брюсов подчеркивает произвольный характер датировки стоянок «арктического палеолита» и считает, что заселение севера происходило в III тысячелетии до н. э., когда в связи с развитием скотоводства и междуплеменных путей сообщения «часть населения Окской долины, двигаясь к северу, заселяет сначала район озер Вожа и Лача, а затем продвигается на запад, на территорию нынешней КФССР».

Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 4, М., 1946, тираж 1000 экз.

В. Д. Блаватский, О датировке псевдопанафинейских скифосов, стр. 17—20, 3 рис. Примыкая к исследованию А. Н. Шварца (о так называемых панафинейских скифосах, М., 1890) автор называет данную группу скифосов псевдопанафинейскими и останавливается в данной статье исключительно на вопросах их датировки. Вопреки мнению большинства западноевропейских ученых, датирующих их неопределенно в пределах V и IV вв. до н. э., автор, исходя из исторического анализа «изображения спокойно стоящей совы со сложными крыльями», считает возможным уточнить датировку, по крайней мере, значительной части этой группы сосудов и относит их к более раннему периоду, а именно к первой половине V в.

Статья иллюстрирована фотографиями одной котилы и двух скифосов из материалов Государственного музея изобразительных искусств.

Е. Г. Пчелина, Древнебуддийский монастырь в Кара-Тепе (Термез), стр. 52—56. В данной статье автор, участник раскопок в Термезском оазисе, рассказывает о своем методе археологической разведки, весьма успешно применявшемся ею в районе Кара-Тепе. Раскопки трех холмов на возвышенности Кара-Тепе дали возможность вскрыть развалины трех буддийских храмов. Древнейший из них датируется по найденным монетам царя Канишки I в. н. э. В храмах сохранилась бытовая утварь и предметы буддийского искусства. Характерна специфическая архитектура построек, обусловленная своеобразием буддийского религиозного культа. Автор подчеркивает особое значение раскопок в Кара-Тепе, приведших к открытию первого древнебуддийского монастыря на территории СССР.

Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, выпуск 1, М., 1946, 84 стр., тираж 1000 экз.

С. И. Радциг, Миф о дочерях Даная и связанные с ним мифы в свете современной науки, стр. 65—66. В небольшой заметке С. И. Радциг дает перечень античных авторов, принимавших участие в разработке мифа о Данаидах, и выделяет основные элементы, из которых сложился миф. В частности автор отмечает значение мифа в зарождении понятия о кровосмесительстве и в дальнейшем образовании моногамной семьи, а также подчеркивает наличие активных связей между Грецией и Египтом уже в VII в. до н. э.

Вестник Ленинградского университета, № 4—5, Л., 1946, 244 стр., тираж 2050 экз.

В разделе «Personalia» журнала даны сведения о вновь избранных академиках и членах-корреспондентах АН СССР, научных работниках ЛГУ. Заметка об академике И. И. Толстом принадлежит перу проф. И. М. Тронского (стр. 205), о чле-

не—корреспонденте АН СССР П. В. Ернштедте академику В. В. Струве (стр. 212), он же пишет и о члене-корреспонденте АН СССР П. В. Пигулевской (стр. 218—219); о члене-корреспонденте АН СССР В. И. Равдоникасе пишут проф. В. В. Мавродин и доц. П. И. Борисковский (стр. 219—221).

В разделе «Хроника» опубликована информация М. А. о работе Южно-Подольской археологической экспедиции ЛОИИМК в 1944 г. (стр. 236—237). Экспедиция, работавшая в районе Немирова, Винницы и Могилева-Подольского, нашла довольно много предметов поздней трипольской керамики, связывающих трипольскую культуру со скифской. Материалы, собранные экспедицией, позволяют «поставить вопрос не только о хронологическом, но и о территориальном расчленении» собственно трипольской культуры.

Я. А. Ленцман

СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА В «ИЗВЕСТИЯХ АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР» 1944—1947 гг.

«Известия Академии Наук Армянской ССР», издаваемые с января 1944 г., являются прямым продолжением «Известий Армянского Филиала Академии Наук СССР». Журнал этот, имеющий две серии—серию общественных наук и серию естественных наук, состоит из 12 выпусков в год; в нем печатаются статьи по-армянски или по-русски, и к большинству из них приложены резюме на русском, армянском или же на одном из иностранных языков. В «Известиях Академии Наук Армянской ССР» (серия общественных наук) напечатан ряд статей по древней истории. Эти статьи разбирают вопросы археологии Кавказа, истории древнего Востока и образования армянского народа.

Древнейшему этапу человеческой культуры в Закавказье посвящена статья С. Н. Замятинна «Находки нижнего палеолита в Армении» (1947, вып. 1, стр. 15—25, на русск. языке). В этой статье публикуются результаты разведочных работ 1946 г. у сел. Арани, на реке Занге и у горы Богутлю (Арагац). С. Н. Замятин издает прекрасные образцы орудий (ручных рубил) из обсидиана, относящихся к Ашельскому периоду палеолита и дает характеристику сопровождающего их археологического материала. Автор приходит к заключению, что территория Армении была населена еще в первую половину четвертичного периода, и, таким образом, опубликованные орудия «наряду с находками черноморского побережья Кавказа являются наиболее ранними следами человеческой культуры, обнаруженными на сегодня в СССР».

Археологический материал следующего этапа человеческой культуры—неолита разобран в статье М. З. Паничкиной «Находки каменных орудий на Арагаце» (1945, вып. 5, стр. 55—60, на русск. языке). В этой работе дается подробное описание и датировка обсидиановых орудий, собранных С. Сардаряном на г. Богутлю (юго-зап. склон Арагаца).

Вопросам древнейшей истории Кавказа по археологическим данным посвящена статья чл.-корресп. АН Арм. ССР Б. Б. Питровского «Древнейшие этапы истории и культуры Армении» (1944, вып. 3—4, стр. 3—26 на арм. языке). В статье автор обрисовывает состояние археологического изучения древнейших эпох истории Закавказья, знакомит читателей с новыми материалами, открытыми раскопками последних лет, и дает общую характеристику процесса развития первобытнообщинного строя на территории Армении с энеолита и до периода начального освоения железа.

Другая группа статей, посвященных древней истории, касается вопросов истории материальной культуры, литературы и языка древневосточных государств:—Хеттского царства и Урарту.

Две статьи действительного члена АН Арм. ССР Г. А. Капанцяна посвящены древнехеттской литературе. В работе «Об одном хеттском мифе в связи с журап-лем и божеством весны» (1944, вып. 1—2, стр. 61—72, на русск. языке) автор под-